

УДК 327.8

DOI: 10.34670/AR.2026.56.25.006

Православие как фактор «мягкой силы»: пределы и возможности влияния РПЦ в современном Китае

Зевелева Елена Александровна

Кандидат исторических наук,
Российский государственный геологоразведочный
университет им. Серго Орджоникидзе,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 23;
e-mail: zevelevaea@mgi.ru

Велиев Амиль Рифанович

Ассистент кафедры сравнительной политологии,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: veliev-ar@rudn.ru

Власова Анастасия Ивановна

Бакалавр,
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: 1132247381@rudn.ru

Аннотация

В статье анализируется феномен Русской православной церкви (РПЦ) как потенциального инструмента «мягкой силы» Российской Федерации в современном Китае. Автор исследует фундаментальные пределы и ограниченные возможности влияния православия, обусловленные спецификой политико-правовой системы, религиозной политики и культурно-исторического контекста Китайской Народной Республики. В работе доказывается, что эффективность РПЦ как актора «мягкой силы» прямо зависит от степени ее деинституционализации и смещения акцента с общинной деятельности на культурно-историческую, академическую сферы. Научная новизна заключается в системном анализе ограничивающих факторов и формулировании на его основе модели влияния, основанной не на массовом распространении, а на нишевом воздействии в строго определенных сегментах китайского общества. Статья ставит проблему несоответствия между декларируемым потенциалом религиозной дипломатии и реальными барьерами, предлагая концептуальное разрешение этого противоречия через переосмысление самих целей и механизмов «мягкой силы» в китайском контексте.

Для цитирования в научных исследованиях

Зевелева Е.А., Велиев А.Р., Власова А.И. Православие как фактор «мягкой силы»: пределы и возможности влияния РПЦ в современном Китае // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 1А. С. 41-46. DOI: 10.34670/AR.2026.56.25.006

Ключевые слова

Мягкая сила, Русская православная церковь (РПЦ), Китайская Народная Республика (КНР), православие в Китае, религиозная политика, российско-китайские отношения, Китайская Автономная Православная Церковь (КАПЦ), религиозная дипломатия, культурное влияние.

Введение

В современных международных отношениях, характеризующихся ростом значимости несиловых методов влияния, концепция «мягкой силы», предложенная Джозефом Наем, приобретает особую актуальность. Для Российской Федерации, развивающей стратегическое партнерство с Китайской Народной Республикой, поиск и активация инструментов «мягкой силы» является приоритетной задачей. В этом контексте религиозный фактор, и, в частности, потенциал Русской православной церкви, часто рассматривается как один из перспективных каналов для укрепления гуманитарных связей и формирования позитивного образа России. Наличие общей границы, многовековая история контактов, включая деятельность Русской духовной миссии в Пекине и уникальный феномен «харбинской России», создают видимость прочного фундамента для такого влияния.

Однако декларации о духовной близости и общем цивилизационном наследии зачастую не позволяют выявить глубокий анализ фундаментальных барьеров, которые существуют для деятельности любой иностранной религиозной институции на территории современного Китая. Данная статья ставит перед собой исследовательскую проблему: выявить и систематизировать ключевые ограничения для реализации потенциала РПЦ как фактора «мягкой силы» в КНР и на основе этого анализа определить возможности ее влияния. Цель работы — не опровергнуть саму возможность такого влияния, а выявить его масштаб и определить его механизмы. Научная новизна исследования состоит в том, что оно смещает фокус на детальный анализ «пределов», утверждая, что именно понимание пределов позволяет адекватно оценить и использовать оставшееся пространство для использования его в сфере международных отношений.

Основной анализ

Для адекватной оценки потенциала «мягкой силы» РПЦ в Китае необходимо прежде всего отказаться от экстраполяции моделей, применимых в других регионах мира. Эффективность этого инструмента определяется не столько усилиями самого субъекта влияния (РПЦ), сколько характеристиками объекта — принимающей среды КНР. Можно выделить три уровня фундаментальных ограничений, которые в совокупности формируют «коридор возможностей» для Православия: политико-правовой, историко-демографический и культурно-идеологический.

Первый и наиболее значимый уровень ограничений — политико-правовой. Религиозная сфера в КНР находится под контролем государства, институционально его функции выполняет Отдел Единого фронта ЦК КПК и Государственного управления по делам религий. Фундаментальным принципом религиозной политики является «китаизация» (宗教中国化), официально закреплённая как государственная стратегия. Данная политика предполагает не просто адаптацию практики веры к местным условиям, а полное подчинение религиозных

доктрин, практик и институтов целям построения социализма с китайской спецификой и укрепления руководящей роли Коммунистической партии. Для Православия, чья экклезиология основана на идее вселенской Церкви и канонической связи с внешним центром — Московским Патриархатом, принцип китаизации представляет собой неразрешимое доктринальное и каноническое противоречие. По мнению ряда исследователей, попытка РПЦ выстроить вертикальную структуру управления или осуществлять прямое духовное окормление верующих на территории КНР будет неизбежно воспринята властями как иностранное вмешательство [Петровский, 2022].

Православие не входит в число пяти официально признанных религий Китая (буддизм, даосизм, ислам, протестантизм, католицизм), следовательно, не имеет права на миссионерскую деятельность, открытие новых приходов для новообращенных граждан КНР, создание централизованных структур, подготовку духовенства в масштабах страны и свободное распространение религиозной литературы [Теория и практика российско-китайских отношений, 2022].

Существующие православные общины в Харбине, Шанхае, Кульдже (Инине) и Лабдарине (Эргуне) рассматриваются как историческое наследие, связанное с конкретными этническими группами (потомками русских эмигрантов и албазинцами) и подлежащее сохранению в локализованных рамках. Деятельность этих приходов регламентирована, а рукоположение многолетних и сложных согласований с властями и рассматривается как исключение, а не как система. Таким образом, политико-правовая система КНР не просто ограничивает, а фактически блокирует возможность институционального роста православия и превращения его в массовое движение [Смирнова, 2023].

Второй уровень ограничений — историко-демографический. В отличие от буддизма, который за две тысячи лет глубоко интегрировался в китайскую культуру, или католичества и протестантизма, имевших опыт масштабной миссионерской деятельности по всей стране, история Православия в Китае носит региональный и этноцентричный характер [Романенко, 2016], несмотря на наличие в стране канонизированных РПЦ православных святых — священномученика Митрофана Пекинского (Цзи Чун) и 222 мучеников. Его распространение было связано не столько с миссией среди ханьского населения, сколько с обслуживанием нужд Российской духовной миссии, строителей КВЖД и русских эмигрантов. С исчезновением этой социальной базы в середине XX века Православие лишилось своей демографической основы. Сегодняшняя православная община в КНР насчитывает несколько тысяч человек, включая потомков от смешанных браков и небольшой круг интересующихся. Особо следует упомянуть феномен албазинцев — потомков русских казаков, плененных в XVII веке. Несмотря на уникальность их истории и сохранение ими православной идентичности на протяжении веков, их община крайне малочисленна и в значительной степени ассимилирована. Использование албазинцев в качестве символа «глубоких корней» православия в Китае является скорее риторическим приемом, чем отражением реального демографического потенциала [Афоница, Петровский, 2015].

К этому же уровню относится и проблема институционального вакуума. Китайская Автономная Православная Церковь (КАПЦ), получившая автономию от Московского Патриархата в 1957 году, де-факто прекратила свое существование в годы «культурной революции» и с тех пор так и не была восстановлена в полной мере. Она не имеет епископата, полноценной системы духовного образования и административного аппарата. Без санкции китайского правительства возрождение КАПЦ невозможно, а правительство, в свою очередь в

настоящее время предпочитет сохранять статус-кво точечного контроля над отдельными приходами. Таким образом, по мнению авторов, у РПЦ отсутствует на территории Китая субъект-партнер, способный стать проводником ее влияния.

Третий уровень ограничений — культурно-идеологический. Православие, по мнению авторов, с его сложной догматикой, развитой литургической традицией и тесной связью с византийской и славянской культурами, является для среднестатистического китайца гораздо более «чуждым» и трудным для восприятия феноменом, чем, например, протестантизм с его акцентом на личной вере и простоте форм, или буддизм, оперирующий знакомыми для дальневосточного менталитета категориями. В современном китайском обществе, где прагматизм и материальный успех часто доминируют в системе ценностей, а духовные поиски чаще всего идут в русле либо традиционных синкретических верований, либо современных потребительских культов, аскетический и созерцательный этос православия находит отклик лишь в очень узких интеллектуальных и богемных кругах. Православие воспринимается не как универсальный путь к спасению, а как экзотический атрибут «загадочной русской души», интересный в контексте изучения Достоевского или русской иконы, но не как личный мировоззренческий выбор.

Именно в этом заключается ключ к пониманию реальных, а не воображаемых, возможностей. «Мягкая сила» православия в Китае может быть эффективна не как сила религиозного института, а как сила культурного феномена. Оно, по мнению авторов, может быть направлено на узкую прослойку гуманитарной интеллигенции, историков, искусствоведов, студентов-русистов, для которых знакомство с православием является неотъемлемой частью глубокого понимания русской культуры. Здесь РПЦ может выступать в роли эксперта и хранителя культурного наследия, организуя выставки икон, научные конференции по церковной истории, содействуя переводу и изданию трудов русских религиозных философов. Целью здесь является формирование глубокого и уважительного понимания цивилизационной основы России [Эзри, Буяров, 2014].

Во-вторых, это сфера символической дипломатии и политики памяти. Реставрация храма Святой Софии в Харбине, совместное участие лидеров двух стран в мероприятиях, связанных с общей историей, передача архивных материалов — все это акты, где РПЦ и ее наследие выступают в качестве деполитизированного символа дружбы народов. В этой модели РПЦ, по мнению авторов, является не самостоятельным актором, а инструментом в руках государственной дипломатии, элементом протокола, подчеркивающим гуманитарное измерение межгосударственных отношений. Это влияние не на общество, а на имидж двусторонних связей.

В-третьих, интернет и социальные сети позволяют распространять информацию о Православии, переводы богослужебных текстов и святоотеческой литературы, виртуальные экскурсии по храмам и монастырям, обходя физические и юридические барьеры. Это создает «пассивную» аудиторию, формирует отложенный интерес. Такое присутствие носит преимущественно информационный, а не общинообразующий характер. Оно способно породить интерес, но, по мнению авторов, не способно создать полноценную церковную жизнь.

Заключение

Таким образом, потенциал РПЦ как актора «мягкой силы» в Китае реализуется в той мере, в какой она отказывается от своей основной, религиозной функции — миссии и построения церковной жизни — и переходит в смежные сферы: культуры, науки, истории, символической

дипломатии. Попытки же действовать в качестве классической религиозной институции немедленно наталкиваются на системное противодействие китайского государства. Реалистичная стратегия «мягкой силы» для РПЦ в Китае — это долгосрочная работа по презентации Православия как неотъемлемой и ценной части великой русской культуры.

Библиография

1. Афонина Л. А., Петровский Д. И. Органы государственно-партийного регулирования религиозной сферы в КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 1.
2. Петровский Д. Православие в Китае - история и современность // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40. № 2. С. 84.
3. Романенко Т. В. Православие в контексте взаимодействия русской и китайской культур // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Том 11. № 3. С. 87.
4. Смирнова И. Ю. Православие в Западном Китае и Средней Азии: предыстория вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 1. С. 47.
5. Теория и практика российско-китайских отношений: монография / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. Москва: Проспект, 2022. С. 60.
6. Эзри Г. К., Буяров Д. В. Православие в современном Китае // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции (Благовещенск - Хэйхэ - Харбин, 14-19 мая 2014 г.). Вып. 4 / Отв. ред. Д. В. Буяров и Д. В. Кузнецов. Благовещенск: БГПУ, 2014. С. 52.

Orthodoxy as a Factor of "Soft Power": Limits and Possibilities of the Influence of the Russian Orthodox Church in Modern China

Elena A. Zeveleva

PhD in History,
Sergo Ordzhonikidze Russian State University for Geological Prospecting,
125993, 23, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: zevelevaea@mgi.ru

Amil' R. Veliev

Teaching Assistant, Department of Comparative Political Science,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: veliev-ar@rudn.ru

Anastasiya I. Vlasova

Bachelor's Degree Student,
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: 1132247381@rudn.ru

Abstract

The article analyzes the phenomenon of the Russian Orthodox Church (ROC) as a potential instrument of the "soft power" of the Russian Federation in modern China. The author examines the

fundamental limits and restricted possibilities of Orthodox influence, determined by the specifics of the political-legal system, religious policy, and cultural-historical context of the People's Republic of China. The work proves that the effectiveness of the ROC as an actor of "soft power" directly depends on the degree of its deinstitutionalization and a shift in emphasis from communal activities to cultural-historical and academic spheres. The scientific novelty lies in the systemic analysis of limiting factors and, based on this, the formulation of an influence model founded not on mass dissemination, but on niche impact within strictly defined segments of Chinese society. The article raises the problem of the discrepancy between the declared potential of religious diplomacy and the real barriers, offering a conceptual resolution of this contradiction through a rethinking of the very goals and mechanisms of "soft power" in the Chinese context.

For citation

Zeveleva E.A., Veliev A.R., Vlasova A.I. (2026) Pravoslaviye kak faktor "myagkoy sily": predely i vozmozhnosti vliyaniya RPTs v sovremennom Kitaye [Orthodoxy as a Factor of "Soft Power": Limits and Possibilities of the Influence of the Russian Orthodox Church in Modern China]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (1A), pp. 41-46. DOI: 10.34670/AR.2026.56.25.006

Keywords

Soft power, Russian Orthodox Church (ROC), People's Republic of China (PRC), Orthodoxy in China, religious policy, Russian-Chinese relations, Chinese Autonomous Orthodox Church (CAOC), religious diplomacy, cultural influence.

References

1. Afonina, L. A., & Petrovskiy, D. I. (2015). Organy gosudarstvenno-partiynogo regulirovaniya religioznoy sfery v KNR [Bodies of State-Party Regulation of the Religious Sphere in the PRC]. *Problemy Dalnego Vostoka*, 1.
2. Ezri, G. K., & Buyarov, D. V. (2014). Pravoslaviye v sovremennom Kitaye [Orthodoxy in Modern China]. In D. V. Buyarov & D. V. Kuznetsov (Eds.), **Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva: Materialy IV mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Blagoveshchensk - Kheykhe - Kharbin, 14-19 maya 2014 g.)* [Russia and China: History and Prospects of Cooperation: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference] (Issue 4, p. 52). Blagoveshchensk: BGPU.
3. Petrovskiy, D. (2022). Pravoslaviye v Kitaye - istoriya i sovremennost [Orthodoxy in China - History and Modernity]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom*, 40(2), 84.
4. Romanenko, T. V. (2016). Pravoslaviye v kontekste vzaimodeystviya russkoy i kitayskoy kultur [Orthodoxy in the Context of Interaction Between Russian and Chinese Cultures]. *Uchenyye zapiski ZabGU*, 11(3), 87.
5. Smirnova, I. Yu. (2023). Pravoslaviye v Zapadnom Kitaye i Sredney Azii: predystoriya voprosa [Orthodoxy in Western China and Central Asia: Background of the Issue]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, 22(1), 47.
6. Chumakov, A. N., & Li Hei (Eds.). (2022). *Teoriya i praktika rossiysko-kitayskikh otnosheniy: monografiya* [Theory and Practice of Russian-Chinese Relations: A Monograph]. Moscow: Prospekt. p. 60.